

Кропоткин в российской рецепции Великой французской революции

Александр Владимирович Гордон

1995

Идеи и принципы, события и персонажи Великой французской революции вошли в культуру России, стали в переработанном виде частью национальной традиции. Революционное наследие Франции оказалось для России многозначным культурным текстом. В начале начал он служил путеводителем в будущее, явленное малопонятным чужеземным действием, которое завораживало манящим и пугающим одновременно отношением к судьбам страны. Чтобы проникнуть в эту связь, требовалось усвоение новой европейской культуры: языка Энциклопедии, понятий об историческом процессе, социальной сфере, национальном бытии, учений о гражданском обществе и государстве. Логика и семантика «Общественного договора», трактатов Монтескье, сочинений других французских, а также английских просветителей, воплотившаяся в революционных актах, формировала аппарат политического мышления образованного русского человека, пронизывала политическое сознание российского общества.

В течение многих десятилетий для общественности, для политических кругов России французская революция оказывалась наглядным учебным пособием по животрепещущей теме, как делать или не делать революцию, как ускорить или предотвратить ее. В широком смысле это был учебник истории, вместивший в себя в концентрированном виде упразднение традиционного уклада жизни, идеологии, морали, опыт сознательно инициированного исторического движения, того, что получило отныне название «прогресса». Это был учебник, который твердил о неизбежности и необходимости перемен, который доказывал важность осознанного отношения нации к своему прошлому и будущему.

Неся в себе многообразное историческое знание, революция во Франции одновременно становилась мощным фактором становления исторического сознания российского общества. Как Св. Писание для одних, как «сатанинская книга» для других, революционное наследие Франции образовало идейный дискурс, в контексте которого происходила кристаллизация важнейших общественно-политических направлений в дореформенной и особенно в пореформенной России. Ультра-консерваторы отвергали революцию как «французскую заразу», т.е. как антинациональное и анти-

общественное явление разом, как воплотившееся вселенское зло. Девизом либералов могла бы служить замечательная фраза Александра I: «Il faut distinguer les crimes des principes de la Révolution Française»¹.

Наиболее заметную роль в российской рецепции французской революции сыграло революционное направление, представленное последовательно декабристами, народниками и, наконец, марксистами. От либерального восприятия революционное отличалось более цельным принятием; но без дихотомии «принципов» и «преступлений» соответствие ценностного содержания революции той борьбе, которая развернулась за утверждение этих ценностей, сделалось, начиная с А.Н.Радищева, предметом нелегких размышлений. Революционная мысль России создала свой образ Великой французской революции, и в этом конструировании отражались специфические проблемы страны, особенности ее духовной культуры и общественно-политической жизни, эволюция самого революционного движения. Яркий пример такой реконструкции — творчество П.А. Кропоткина.

Оценка Кропоткиным революции во Франции со времени выхода в свет его классического труда стала объектом пристального внимания исследователей². Анализируя «Великую французскую революцию 1789–1793» и связанные с ней публикации и материалы, они выявили особенности подхода автора, которые и привлекли к его концепции революции неослабевающее внимание. Однако основной задачей кропоткинистов как правило было при этом выяснение вклада Кропоткина в историографию революции, в создававшееся учеными различных стран и многих поколений историческое знание о выдающемся событии Нового времени. Задача моего сообщения иная — сформулировать предположение о вкладе, который своими исследованиями революции он вносил и продолжает вносить в историческое сознание российского общества.

Исходным можно считать толкование Кропоткиным универсальности Великой французской революции, ее значения как прототипа социальных преобразований в России, фактора мировой истории и общественного прогресса. Со времени французской революции «наша история столько же входит в состав западноевропейской, сколько западноевропейская в состав нашей»³, — подчеркивал В.О.Ключевский. Не сразу и не вполне вошло понимание этого единства в национальное сознание. С таким пониманием никогда не могла примириться консервативная разновидность последнего. В консервативной мысли французская революция явилась мощным толчком для выдвигания и развития идей исторической самобытности России, ее национальной исключительности. Консерваторы пытались (и продолжают свои усилия) выработать историческую программу для России как программу тотального противодействия принципам революции. Краеугольной в этой программе утвердилась формула «православие, самодержавие, народность», противопоставляемая универсальному пафосу лозунга «свобода, равенство, братство»⁴.

¹ Цит. по: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С.100.

² См.: Старостин Е.В. К истории изучения П.А. Кропоткиным Великой французской революции конца XVIII века // Французский ежегодник 1967. М.: Наука, 1968. С.294. См. также: Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С.96–128.

³ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С.199.

⁴ Все это отнюдь не исключало усвоения в консервативной мысли наследия французской револю-

Идеи национальной самобытности впитала в себя и революционная рецепция французской революции. Поскольку революционная мысль, независимо от своих оттенков, принципиально отличалась от консервативной признанием единства всемирно-исторического процесса, идеи самобытности у революционных мыслителей обратились в идеологему специфически-российской реализации этого единства, в доктрину особого пути развития. Основоположником этой доктрины, сущностью которой был революционный переход к социализму, минуя капитализм, стал А.И.Герцен. Ее поддержали Н.Г.Чернышевский и шестидесятники, развивали Н.К.Михайловский и другие современники Кропоткина; она стала принципиальным положением народнической идеологии.

Кропоткин в своих основных трудах нигде не высказывался о доктрине минования капитализма, что само по себе уже можно считать родом критики. Можно сказать больше: при всем антикапитализме, который отчетливо выявился в «Великой французской революции», эта доктрина вряд ли была приемлема для Кропоткина. Не только как последовательному эволюционисту, но и как последовательному демократу ему не могла не быть чужда идея стадийного скачка через фазы общественно-исторического процесса.

Кропоткин был убежден, что все общества развиваются в одном направлении, проходя через единые «стадии человеческой культуры» и образуя при этом «сходные параллельные типы» общественного устройства; что, по крайней мере, в истории всех стран Европы «повторяются те же формы развития родовой, мирской [общинной — А.Г.], городской и государственной жизни». Иллюстрируя свою мысль (в русле уже влиятельной отечественной традиции) параллелизмом истории России и Франции, он отмечал наличие одних и тех же стадий развития «городского народоправства», выделял «сходные периоды государственного развития» и, в конце концов, доказывал, что царская Россия приближается к своему варианту происшедшего в XVIII в. во Франции переворота. «Александр II и Людовик XVI шли одною стезею, и, если бы не замешались террористы, царствование Александра II, вероятно, закончилось бы Учредительным собранием»⁵.

Выявляя наиболее существенные, с его точки зрения, черты Великой французской революции, Кропоткин неизменно подчеркивал: «То же самое будет в России». И когда в России действительно стала разворачиваться революция, он настойчиво, даже навязчиво выискивает и подчеркивает ассоциации с тем, что происходило во Франции⁶. Установка на исторический параллелизм и выраженный интерес к конкретным ассоциациям указывают на двусторонний генезис кропоткинской концепции. Рассматривая грядущую российскую революцию в свете французской, Кропоткин вместе с тем анализировал последнюю под тем углом зрения, который у него сложился в отношении характера революции в России.

ции, которое происходило в своеобразной форме «заимствования через отрицание» — аналогично тому, как шло усвоение идей Просвещения и ценностей ново-европейской культуры в национально-освободительном движении восточных стран, колонизованных европейцами (см.: Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного. М., 1984. С.450–459).

⁵ Кропоткин П.А. Записки революционера. М.; Л.: Academia, 1933. С. 215.

⁶ Там же. С.193. См. также: Старостин Е.В. Указ. соч. С.301.

Кропоткинская концепция французской революции сформировалась как альтернатива господствовавшему в народнической среде с 70-х годов подходу к перспективам революционного движения в России. Изверившись в возможности поднять массы, революционное народничество деградировало, по горькому выражению Кропоткина, в «заговор»⁷. И тогда революция во Франции сделалась уроком овладения революционерами государственной властью во имя необходимых обществу преобразований или, короче, — опытом захвата власти. Наследие революции сводилось к «якобинизму» как диктатуре революционной партии, заодно историческое якобинство сближалось с бланкизмом — нелегальной, заговорщической деятельностью.

Кропоткин при своем убеждении в изначальности массовых выступлений, с которым он вступил в революционное движение, оказался в меньшинстве. От него отдалялись бывшие соратники, он не находил понимания даже среди самых близких людей. Сожалея, что старший брат не воспринимал его веры в возможность народной революции в России, «особенно крестьянской», Кропоткин — и это знаменательно — отмечает, что Александр «знал Французскую революцию, как ее рассказывали парламентские историки» и соответственно представлял революцию «действием организованного представительства народа, Национального Собрания и смелых «интеллигентов»⁸.

Французская революция в ее «парламентской» версии становилась частью доктрин «безнародной революции»⁹, распространявшихся в России со времен декабристов. Исходная установка Кропоткина сложилась в противостоянии этим доктринам. Документированная на образцовом для своего времени источниковедческом уровне и исследовательски выполненная схема народной революции явилась наиболее очевидным вкладом Кропоткина в российскую рецепцию Великой французской революции. Последовательно и доказательно проведя свою точку зрения, он мог убежденно утверждать, что его книга отвечает «исканиям русскими революционерами, что такое бывает революция» и чем она отличается от государственного переворота¹⁰. Не захват власти революционерами, а массовое политическое участие, активная борьба наиболее широких, эксплуатируемых и наиболее далеких от власти слоев общества за свои права и интересы выдвигались критерием революции.

Ярко характеризуя то, что было названо «буржуазной ограниченностью», Кропоткин избегал термина «буржуазная революция». Он предпочитал определение «великая революция» (название французского первоиздания книги). Это отнюдь не было данью революционной патетике, малейшим намеком на «высокий стиль» (он нередко писал «великая революция» или «великая французская революция» строчными буквами, как бы констатируя неоспоримый факт ее общезначимости). Кропоткин и здесь противостоял настроениям в российской революционной среде, которая заодно с обращением в социализм и сосредоточением на подпольной борьбе все больше обнаруживала склонность акцентировать упомянутую «ограниченность». Поэтому можно сказать вместе с одним из исследователей творчества Кропоткина, что изображение народной революции в книге соответствовало цели

⁷ Кропоткин П.А. Записки революционера. С. 245.

⁸ Там же. С.216.

⁹ Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Указ. соч. С.267.

¹⁰ Цит. по: Старостин Е.В. Указ.соч. С.300.

создать «противовес одностороннему изображению революции буржуазной»¹¹. Великая французская революция в трактовке Кропоткина оказывалась в конечном счете буржуазной и народной одновременно.

Несмотря на политическое преобладание буржуазии, определившее общие итоги революции, она, как доказывал Кропоткин, вместе с тем обеспечила собственно народные завоевания. Именно своим участием народ добился в известной мере и закрепления своих политических прав, и реализации экономических интересов. «Крестьянин наедался досыта в первый раз за последние несколько сот лет. Он разгибал наконец свою спину! Он дерзал говорить!» Почувствовав себя полноправным хозяином на своей земле, французский крестьянин смог реализовать исконную любовь к ней, «уменьше с ней обращаться», трудолюбие. Франция сделалась не только «страной зажиточных крестьян», но и «страной самой богатой по своей производительности»¹².

Другим экономическим следствием революции стало распределение национального богатства «между наибольшим числом жителей», что, по мнению Кропоткина, благотворно выделяет Францию среди других стран¹³. Утверждение в послереволюционной Франции мелкой собственности, преобладание в деревне мелких самостоятельных хозяев он при общем неприятии частной собственности и особенно собственности на землю считал, в отличие от тех, кто отождествлял исторический прогресс с концентрацией собственности, положительным явлением.

Известны предубеждение Кропоткина против представительного правления, неприятие установившихся после революции по всей Европе форм государственности. В своем критическом отношении к последним он был далеко не одинок. Конечно, не все российские революционеры готовы были подписаться под заявлением «чернопередельцев»: «Верховное право народа, всеобщее избирательное право... в настоящее время потеряли всякую силу и обаяние»¹⁴. Но в целом подозрительность и даже нигилизм в отношении конституционных прав и свобод были довольно распространены. Объясняя причины «недоверия к принципу политической свободы» в российской революционной среде, Н.К.Михайловский писал о разочаровании итогами Великой французской революции, которая «не привела Европу в обетованную землю братства, равенства и свободы», о том, что конституционный режим явил лишь «формальную политическую свободу», которая обеспечила буржуазии «экономическую власть над народом»¹⁵. Свежую струю в разоблачение «современной мифологии» с ее «богинями справедливости, свободы, равенства и братства»¹⁶ внес марксизм.

Тем замечательней, что демократическую государственность в ее элементарных основаниях гражданского равенства и представительного правления Кропоткин

¹¹ *Бороздин И.Н.* П.А. Кропоткин, как историк // Историко-революционный бюллетень. М., 1922. № 2/3. С.7.

¹² *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. М.: Наука, 1979. С.443.

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по: *Итенберг Б.С.* Россия и Великая французская революция. М., 1988. С.133.

¹⁵ См.: Там же. С. 129.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.34. С.234.

отнес к историческим завоеваниям революции XVIII в.¹⁷ Несомненно, его позиция диктовалась не только и даже не столько политическим значением конституционных прав, сколько их культурно-историческим смыслом. Уничтожение личной зависимости — подданных от монарха, крепостных от помещика — человека и установление принципа равенства человека человеку были для Кропоткина ступенью общеисторического прогресса и непреходящей нравственной ценностью. Это этическое содержание демократических принципов отчетливо выявилось в отношении его к большевистской диктатуре.

То, что на долгие годы отнесли к категории «буржуазных свобод», для Кропоткина означало прежде всего реализацию вековой борьбы народных масс за право простого человека «располагать своею личностью [выделено мной. — А.Г.] и работать над тем, что он хочет и сколько он хочет, без того, чтобы кто-либо имел право принуждать его к этому». Кропоткин доказывал, что народ дорожит этой завоеванной свободой и что «начало личной свободы» остается господствующим в послереволюционных буржуазных обществах. Он призывал соратников признать, что «весь современный прогресс и все наши надежды на будущее еще основываются на этом чувстве свободы, как бы ограничена она ни была в действительности»¹⁸.

Отличавшее Кропоткина и полнокровно выявляющееся в рецепции Великой французской революции глубокое чувство преемственности освободительного движения в полной мере выразилось и в его трактовке генезиса социалистических идей. Поскольку он поставил «народный коммунизм» революции XVIII в. выше современного ему «государственного социализма», его концепция сделалась объектом жесткой марксистской (и немарксистской) критики, усмотревшей в ней дань анархо-коммунистической доктрине. Между тем сама доктрина может быть понята как развитие схемы народной революции.

Кропоткин признавал несистематизированный, «отрывочный» характер социализма XVIII в. и то, что он оставался «частным коммунизмом», поскольку «допускал личное владение наряду с коммунальной собственностью» и «личное право на «избыток» рядом с правом всех на продукты первой и второй необходимости». Иными словами, Кропоткин видел неполное соответствие прототипа XVIII в. критериям, выработанным социалистической мыслью его времени. Но у него были собственные критерии, и важнейшим из них была народность. Подлинным могло считаться лишь социалистическое учение, отвечающее устремлениям масс. Социализм XVIII в. обладал, в глазах Кропоткина, решающим преимуществом перед доктринами XIX в., ибо возникал в народе, «из потребностей самой жизни»¹⁹.

Выдвигая свою концепцию, Кропоткин, несомненно, ощущал нарастающую тенденцию к насаждению социализма. Еще до установления гегемонии марксизма, за несколько десятилетий до формулирования В.И. Лениным идеи «внесения» социалистического сознания, она, что называется, носилась в воздухе, которым дышала российская революционная среда. В предельно сгущенной атмосфере подполья и эмиграции искания революционного пути становились сродни обретению новой

¹⁷ Кропоткин П.А. Великая французская революция. С.447.

¹⁸ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. Пб.; М.: Голос Труда, 1920. С.202–203.

¹⁹ Кропоткин П.А. Великая французская революция. С.378.

формулы спасения. Был ли социализм подлинной верой или оказывался атеистическим вариантом «гражданской религии» (если вспомнить Руссо и Робеспьера), революционеры считали своей задачей внедрение нового учения. Утверждения, что русский народ — «коммунист по инстинкту» заранее оправдывали притом любые манипуляции в социалистическом духе.

Наиболее откровенно высказывались «русские якобинцы». По П.Н.Ткачеву, именно «революционное меньшинство», «пользуясь своей силой и авторитетом» (обусловливаемых захватом власти), «вносит новые прогрессивно коммунистические элементы в условия народной жизни»²⁰. Опасность подобного социализма сверху успел к концу жизни ощутить А.И.Герцен, который со всей определенностью предостерег М.А.Бакунину от навязывания выработанного революционной интеллигенцией идеала общественного переустройства. «Петроградизмом социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет»²¹.

Между тем, выдвигая доктрину минования капитализма, родоначальник «русского социализма» разрабатывал логические послышки для идей «внесения». Твердо зная, что «результат усваивается только вместе со всем логическим процессом»²², умнейший Герцен полагал излишним для народа этот процесс: поскольку в «меньшинстве мыслящих людей»²³ Россия пришла к социалистическому выбору, народу остается воспринять результат. Понять «за народ», пройти стадии культурного развития «в идее» — все это рыхлило почву для социалистического мессианства революционной интеллигенции.

Кропоткин формировался политически в том же русле «вынужденного революционного авангардизма»²⁴; но свойственный последнему отпечаток духовной аракчеевщины вызывал у него чувство протеста²⁵. С протестом против выявляющейся разновидности деспотизма, прежде, чем с анархо-коммунизмом, мы сталкиваемся в кропоткинской рецепции Великой французской революции. Противопоставляя движение к идеалу «снизу» его декларированию «сверху», Кропоткин обобщил на историческом примере значение устремленности к социальной справедливости самого народа. Сугубую антипатию у него, обусловленную далеко не только реалиями XVIII в., вызывал Бабеф, поскольку его социалистическая программа оказалась оторванной от народного движения. И напротив, в революционной драме XVIII в.,

²⁰ Цит. по: *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С.397.

²¹ *Герцен А.И.* О социализме. Избранное. М., 1974. С.611.

²² Там же. С.376.

²³ Там же. С.490.

²⁴ *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Указ.соч. С.120.

²⁵ «Аракчеевский элемент» в российской революционной среде, «беспощадный, страстно сухой и охотно палачествующий», выявил опять-таки еще Герцен, и современные исследователи справедливо считают революционный деспотизм оборотной стороной самодержавного деспотизма (см. *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Указ. соч. С.218–219). Если наиболее типичной «отрыжкой старого общества» (П.Л.Лавров) в революционной среде признать нечаевщину, то следует обратить внимание на свидетельство Кропоткина, что возникновение кружка «чайковцев» (а, значит, и начало формирования этики Кропоткина-революционера) отражало «желание противодействовать нечаевским способам деятельности» (*Кропоткин П.А.* Записки революционера. С.187).

как и в российском революционном движении, Кропоткин чувствовал себя среди тех деятелей, кто «искал вместе с народом»²⁶.

Общий смысл кропоткинской позиции в отношении революционного руководства народом был очевиден, по крайней мере для его ближайших соратников: «Если народ, веками лишенный возможности материального и нравственного развития, не может быть непогрешимым, то и не диктаторским способом, ведя его, как стадо, и навязывая ему церковные и государственные догматы, можно освободить его». Эта позиция была заострена не только против российского «якобинизма», но и против анархистской традиции, против иллюзии, что «прозорливость, инициатива и всеведение масс» способны разрешить все вопросы, которой, по свидетельству того же соратника Кропоткина, «долго грешили анархисты»²⁷.

Кропоткинская рецепция французской революции отразила многомерность его представлений о роли «революционного меньшинства». Он отвергал «вождизм» революционной организации, но высоко оценивал «людей почина», увлекающих за собой массы. В выдвижении, формулировании, наконец, разработке проблем руководства Кропоткин следовал глубинной традиции российского освободительного движения, произрастающей из наследия национальной культуры. Политическое значение вопроса опосредовалось напряженными размышлениями на темы: личность и среда, идеалы и действительность, мысль и действие.

Через всю книгу Кропоткина проходит коллизия буржуазной сознательности и спонтанности народного действия в революции: «буржуазия шла твердым и решительным шагом» — народ в результате отсутствия «ясного понятия о том, чего он может ждать от революции», колебался²⁸. Идеальная сила буржуазии не только уравнивает, но и перевешивает физическую силу масс, обеспечивая гегемонию буржуазии и делая общий итог преобразования старого порядка в ее пользу. Однако, как заметил еще Н.И.Кареев, называя одну из двух составляющих революции «идейным течением», Кропоткин избегал отождествлять последнее с буржуазией и ее классовыми интересами²⁹. Во-первых, источником этого течения было Просвещение, «философия XVIII в.», а в ней он находил «в зародыше все великие идеи позднейшего времени», выделяя в первую очередь — «истинно научный дух» и «глубоко нравственный характер», «веру в ум, в силу и величие освобожденного человека», обретаемые в «обществе равных себе», и «ненависть к деспотическим учреждениям»³⁰.

Во-вторых, «идейное течение», именно благодаря такому глубокому и универсальному источнику, оказало вдохновляющее и направляющее воздействие на другую составляющую — народное движение. Проникая в угнетенные массы, идеи «фило-

²⁶ Гордон А.В., Старостин Е.В. Кропоткин читает Жореса. Комментарии П.А.Кропоткина к труду Жана Жореса «Социалистическая история Французской революции» // Великая французская революция и Россия. М.: Прогресс, 1989. С.183.

²⁷ Малато Ш. Кропоткин и Бакунин // Сборник статей, посвященный памяти П.А.Кропоткина. Пб.; М.: Голос Труда, 1922. С.69–70.

²⁸ Кропоткин П.А. Великая французская революция. С.15.

²⁹ См.: Кареев Н.И. П.А.Кропоткин о великой французской революции // Сборник статей, посвященный памяти П.А.Кропоткина. Пб.; М.: Голос Труда, 1922. С.120–121.

³⁰ Кропоткин П.А. Великая французская революция. С.13.

софии XVIII в.», принципы свободы и равенства породили надежду. Надежда как ожидание народом близких перемен и вера, что они принесут избавление, виделась Кропоткину важнейшим фактором революции. «Если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции. Как и все революции, революция 1789 г. совершилась благодаря надежде достигнуть тех или иных крупных результатов. Без этого не бывает революции»³¹, — писал он, порывая с классической анархистской традицией в лице Бакунина, тяготевшего к самодостаточности нищеты и отчаяния как факторов революционизирования масс³².

В-третьих, опять же благодаря универсальности своих исходных принципов «идейное течение» духовно разоружало противников перемен. «Никакой революции ни мирной, ни кровавой не может совершиться без того, чтобы новые идеалы глубоко не проникли в тот самый класс, которого экономические и политические привилегии предстоит разрушить»³³, — констатировал Кропоткин, ссылаясь не только на французский опыт, но и на возникшее благодаря его усвоению русским дворянством осознание несправедливости крепостного права как предпосылку реформы 1861 г.

Итак, ведущую роль общественных идеалов можно считать серьезнейшим уроком, извлеченным Кропоткиным из опыта революции XVIII в. Но не будет противоречием утверждать, что он реализовал в констатации этой роли размышления, возникавшие в начале его политической деятельности в России (достаточно вспомнить написанную для «чайковцев» программную записку «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?»). В результате встречного движения и синтеза двух революционных традиций сложилось то самое акцентирование субъективного фактора, что стало отличительной чертой кропоткинской рецепции как альтернативы абсолютизации так называемых объективных факторов.

Кропоткин отнюдь не отрицал значения последних. По авторитетному свидетельству Кареева, он хорошо знал, например, положение крестьян перед революцией; но интересовался больше «настроением, нежели положением народной массы»³⁴. Такова была оригинальная методологическая установка³⁵, которая, как отметил Кареев, резко контрастировала с экономическим материализмом, широко распространявшимся в России на рубеже XIX и XX вв. Настроения, устремления, чаяния простых людей были для Кропоткина важнейшей движущей силой не только в революции, но и во всех социальных процессах.

В русле современных методологических исканий содержания и критериев утопического небезынтересен ход мыслей Кропоткина. Утопичность или реальность общественного идеала определяется наличием людей, «стремящихся к осуществле-

³¹ Там же. С.19.

³² См.: Блюм Р.Н. Взгляды П.А.Кропоткина на революцию // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып.241. Труды по философии. № XIII. Тарту, 1969. С.128–129.

³³ Кропоткин П.А. Записки революционера. С. 179.

³⁴ Кареев Н.И. Указ. соч. С.118.

³⁵ Обобщая ее, Кропоткин писал: «В историях различных революций, написанных до сего дня, мы еще не видим народа и не узнаем ничего о происхождении революции. Фразы, которые обычно повторяют в введении об отчаянном положении народа накануне восстания, не говорят еще нам, как среди этого отчаянья появилась надежда на возможное улучшение и мысль о новых временах, и откуда взялся и как распространился революционный дух» (Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. С.104).

нию именно этой утопии в такой-то форме». «Главный фактор — хотят ли того-то люди? Если хотят, то насколько хотят они этого? Сколько их? Какие силы против них?» Коротко, сам исторический прогресс определяется «интегралом единичных волей», выявить который можно только «следя за самыми простыми, обыденными, мелкими проявлениями человеческой воли»³⁶.

Обобщение эмпирически наблюдаемых устремлений людей Кропоткин несомненно предпочитал умозрительному выведению проекции будущего общества из материальных предпосылок, экономических интересов, «объективной исторической необходимости». Таким был его собственный путь к анархо-коммунистическому идеалу: от того, что он находил потребностями, инстинктами, привычками людей. Таким был, в его представлении, путь к этому идеалу человечества: через развитие потребности в общественной самоорганизации, привычек взаимной помощи и поддержки, через эволюцию «инстинкта общительности», распространение понятий справедливости, формирование нравственного чувства.

Французская революция виделась не только этапом на данном пути, она и моделировалась в его аспекте. Иначе сказать, кропоткинская рецепция революции отображала движение к анархо-коммунистическому идеалу. Эпистемологически из этого следовал анализ революции «снизу», который и отметили исследователи как оригинальное достоинство труда Кропоткина. Однако другой достопримечательностью справедливо нашли его вывод о «двойном движении». Держа в фокусе спонтанное действие народных масс, Кропоткин был не меньше захвачен проблемой идейного движения «сверху».

Характер революции, ее ход и исход оказались predeterminedенными тем, что «народ не выработал, не создал себе общественного идеала, который он мог бы противопоставить» идеалу буржуазии³⁷. Кропоткин осуждает за это коммунистических мыслителей предреволюционного времени: «идеи народного освобождения и экономических преобразований преподносились народу лишь в форме неясных стремлений к чему-то. Нередко в них ничего не было, кроме простого отрицания»³⁸. Позитивный идеал был разработан буржуазией, и закономерно, что революция XVIII в. привела к осуществлению ее программы. Ибо революция не может сводиться к отрицанию, разрушению прежних форм общественного бытия и слому старых институтов. В таком случае она останется лишь актом возмездия народа за поправленные права и угнетение в прошлом, но не внесет в историю «руководящую идею для будущего»³⁹. Разрабатывая, распространяя и осуществляя, революция с самого начала должна нести в себе эту идею. Таков один из главных итогов изучения Кропоткиным истории революции во Франции.

³⁶ Кропоткин П.А. Записки революционера. С. 170. Отсюда, между прочим, изначальная сдержанность Кропоткина к возможностям руководства революционным движением из эмиграции: «Никогда эмиграция не может быть точным выразителем потребностей своего народа, иначе как в самых общих чертах, ибо необходимое для сего условие есть пребывание среди русского крестьянства и городских рабочих (Кропоткин П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? // Былое. 1921. № 17. С.38).

³⁷ Кропоткин П.А. Великая французская революция. С.13.

³⁸ Там же. С.15.

³⁹ Кропоткин П.А. Век ожидания. М.: Голос Труда, 1925. С.15.

Великая французская революция оказывалась важнейшей опорой глубоко двойственного учения Кропоткина о революции, в котором разрушение и созидание, стихийность и сознательность, закономерность и альтернативность исторического процесса находили свое непростое соединение. Приверженцу эволюционистской теории революция представлялась моментом и элементом социальной эволюции; неизбежным следствием медленных и частичных изменений в обществе, реализующихся в качественном прорыве; «периодом внезапных ускоренных перемен», придающих свершающемуся характер всеобщего «потрясения», «катастрофы»⁴⁰. По образу природной катастрофы, как «великое стихийное явление»⁴¹ характеризовал Кропоткин ту революцию, свидетелем которой ему довелось стать.

Наряду с тем, во всех своих трудах Кропоткин выступал последовательным этическим мыслителем; все содержащиеся в них разработки являются составляющими целостного этического учения⁴². Если с точки зрения законов социальной эволюции революционный взрыв представлял объективно неизбежную форму исторического прогресса, то с точки зрения нравственного содержания (а оно для Кропоткина было сутью прогресса) главное — это сознательность революционного субъекта, его одухотворенность идеалом будущего и придание революции характера «построительной работы» ради его осуществления. Не отвергая объективной необходимости революционного насилия, принимая его как спонтанную форму протеста угнетенных в рамках их традиционного бытия, Кропоткин был категорическим противником придания насилию характера осознанной революционной политики. Он трактовал увлечение им как проявление субъективной слабости революционеров, а возведение насилия в государственный институт считал опаснейшей угрозой для революции, деформацией ее нравственных основ⁴³.

Потрясенный разгулом насилия и особенно массовыми репрессиями в революционной России, он остается тем не менее до конца преданным революции; и в этой убежденности его укрепляет опыт революционной истории⁴⁴. Прибегая к нему, он осмысливает и трагические стороны Российской революции. Сопоставляя с английской и французской революциями, он пишет об утрате в России их «высокого нравственного идеала» из-за разлагающего влияния «учения об экономическом материализме». Между тем Россия своей революцией призвана была продолжить начатое дело и, «распространяя далее на восток те же права человека», взяться за решение социально-экономических вопросов, ставших «наследием XIX века». Со-

⁴⁰ Там же. С.49–50.

⁴¹ *Кропоткин П.А.* Что делать? // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине со дня смерти П.А.Кропоткина. Чикаго, 1931. С.202.

⁴² См. подробнее: *Гордон А.В.* Глубокая философия хрустально чистой души // Анархия и власть. М.: Наука, 1992.

⁴³ Своим подходом к революционному насилию сквозь призму спонтанности и сознательности, оправдывавшим стихийные акты в крестьянских и городских восстаниях и отвергавшим в принципе яacobинский террор, Кропоткин разошелся едва ли не со всей историографией французской революции (да и русской, поскольку подход Кропоткина к последней был аналогичным).

⁴⁴ «То, что я уже пережил не раз такую же разруху, когда писал историю французской революции... спасает меня от пессимизма, — признавался он в один из тяжелых моментов. — Я вижу сквозь эту разруху новый просвет для всей современной цивилизации» (см.: *Гордон А.В., Старостин Е.В.* Кропоткин читает Жореса. С.165).

средоточение на текущих задачах власти в ущерб делу нравственного прогресса, а тем более посприятие идеалов, уже утвердившихся благодаря революциям прошлого, «грозит обессилить русскую революцию и сделать ее бесплодной»⁴⁵.

Остро переживая происходившее, Кропоткин ставит принципиальный вопрос о вариантах: «либо обновляющая, либо разрушающая, либо разрушающая и обновляющая катастрофа»⁴⁶. Российская революция подтверждает его прежние выводы: не только исход, но и ход революции могут быть альтернативными. Соотношение позитивной и негативной сторон, размах насилия, степень приближения к нравственному идеалу — все мыслилось ему зависящим от сознательности исторического субъекта, а она обуславливалась в конечном счете подготовительно-воспитательной работой в массах перед революцией.

Угнетенные должны составить себе возможно более ясное представление о том, что им предстоит совершить, и проникнуться достаточно сильным энтузиазмом. Опасность неопределенности в революционном выступлении масс исключительно велика, отмечал Кропоткин, указывая на Парижскую Коммуну как на «страшный пример социального взрыва без достаточно определенных идеалов»⁴⁷. Идеалы должны быть не только ясными, но и широкими: общечеловеческими, а не узко-классовыми. Примером великих идеалов, воодушевивших на «великую борьбу», была для Кропоткина Великая французская революция.

Народность и нравственность — две выдающиеся черты ее кропоткинской рецепции. Сосредоточением на этих аспектах Кропоткин несомненно отвечал духовным исканиям современного ему русского общества⁴⁸. Книга его появилась в то время, когда объективная, фактическая картина революции была уже неплохо известна в России благодаря многотомной переводной литературе, а также специальным (и узко профессиональным) трудам «русской школы». Кропоткин заполнил некий вакуум, предложив профессионально выполненное общее исследование революции, которое подсознательно, самой принадлежностью автора к известной традиции, и сознательно, благодаря убежденности его в приближении революции в России, было ориентировано на тех, кто стал ее участниками и свидетелями.

1919 год — год первого издания книги в России — предопределил ее судьбу на многие десятилетия. Схема народной революции оказалась востребованной Советской властью, когда, озабоченная своей легитимностью, она создавала новую культурную традицию, сплавляя наследие русского освободительного движения с мировой революционной классикой. Но именно этой схемой прежде всего кропоткинская рецепция Великой французской революции сделалась неприемлемой с учреждением нового государственного порядка в духе того самого революционного деспотизма, с которым Кропоткин вел упорную идейную борьбу всем своим творчеством.

Эрозия деспотического режима, искание социализма с «человеческим лицом» обусловили новый интерес к наследию Кропоткина, главным образом к соединению в его творчестве социализма с демократией и гуманизмом. При продолжающемся

⁴⁵ Кропоткин П.А. Идеал в революции // Былое. 1921. № 17. С.40–41.

⁴⁶ Кропоткин П.А. Что делать? С. 202.

⁴⁷ Кропоткин П.А. Записки революционера. С. 179–180.

⁴⁸ Характерно, например, восприятие в России сочинения И.Тэна (см.: Итенберг Б.С. Указ. соч. С.173–197).

обращении к гуманистическим идеалам, культурным ценностям, нравственным критериям приобретает особую актуальность этическая устремленность сочинений Кропоткина, и в этом контексте может быть востребована его рецепция Великой французской революции.

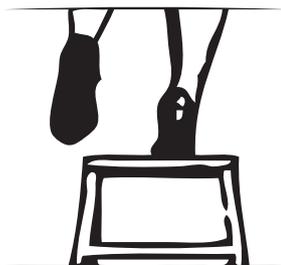
Духовная зрелость нации (как показывает опыт той же Франции, отметившей 200-летие своей революции) выражается и в том, что попытки устранения той или иной части культурного наследия сменяются самоочищением, взаимодействием и совместным бытованием традиций. Кропоткин выдвинул проблему нравственности революционной традиции в ее собственном русле. Вступив в освободительную борьбу побуждаемый, вместе с другими, этическим идеалом, Кропоткин стремился, чтобы революционный путь оставался движением к этому абсолюту, вел к нравственному совершенствованию. Магистральным направлением своего творчества, силой и авторитетом личности⁴⁹ противостоял он искривлениям к фанатизму или цинизму. Кропоткин остается красноречивым примером многогранности и многообразия революционной традиции личности⁵⁰, которые нельзя упускать из виду в усилиях духовного преображения и обретения целостности отечественного культурного наследия.

**

⁴⁹ Отметив, что на «Великой французской революции», как и на всех трудах Кропоткина, лежит «печать его яркой индивидуальности» «неутомимого борца за народное счастье» и «пламенного защитника всех униженных и оскорбленных» и что в его жизни соединилось служение «правде-истине» и «правде-справедливости», первый советский рецензент назвал автора «последним рыцарем без страха и упрека» (*Ольшевский А.А.* Литература истории Великой французской революции // Книга и революция. Пб., 1921. № 8/9. С.73).

⁵⁰ Уже для современников Кропоткин, оставаясь революционером, олицетворял широкую гуманистическую традицию, пробуждавшую человеческое достоинство русских людей и противостоявшую всяческому подавлению личности. За единство слова и дела, как совесть нации Кропоткина сопоставляли с Л.Н.Толстым и В.Г.Короленко, отмечая их противостояние разгулу насилия в революционное лихолетье (см.: *Фигнер В.Н.* В.Г. Короленко // Историко-революционный бюллетень. М., 1922. № 2/3. С.11).

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Владимирович Гордон
Кропоткин в российской рецепции Великой французской революции
1995

Сохранено 29 августа 2018 из <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/1-06Gordon.htm>
Кропоткин в российской рецепции Великой Французской революции // Труды
Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения
П.А. Кропоткина. — М., 1995. — Вып. 1: Идеи П.А. Кропоткина в философии. — С.
72–94. Статья посвящена проблеме восприятия Кропоткиным идей и событий
Великой Французской революции, взаимовлиянию его революционного опыта и тех
выводов, которые он сделал, изучая величайшее революционное потрясение XVIII в.

ru.theanarchistlibrary.org